

ИСКУССТВО КОММУНЫ

Издание Отдела Изобразительных Искусств Комиссариата Народного Просвещения.

Цена 50 коп

№ 12.

Петербург, Воскресенье, 23 февраля 1919 г.

№ 12.

К итогам музейной конференции.

(О воспитательной роли музеев)

Вопрос о воспитательной роли музеев довольно подробно разбирался на закрывшейся 18 февраля музейной конференции, но беспомощным и робким были как доклады, так и прения на эту тему. Детский лепет.

Прежде всего, вопрос был поставлен самым незлым образом. Ни музейные деятели, ни ученые никак не могли отрешиться от широко распространенного заблуждения, будто бы народные массы (делошло все время о народных массах, а не о пролетариате — и это уже показательно) не могут в настоящий момент стать соучастниками великой работы науки и искусства, а обязательно должны сперва приобщиться к наукам и искусствам посредством каких-то учебных и дидактических чистилищ. В этом смысле на конференции много говорилось о показателем выставках при музеях, о каких-то специальных рабочих и народных музеях, о пояснительных лекциях и проч. Какой вздор!

Во первых, подобные разговоры уже не оправданы исторически. Мы знаем и Ресклинский музей в Шеффилде и др. народные музеи Западной Европы, которые показали, что широкие массы одинаково охотно делают, или даже спят, как в такого рода специальных так и в больших, подлинных, научных музеях.

Во вторых, самая мысль построить специальный музей и обособить дело народного воспитания вытекает всегда из следующих не выдерживающих никакой критики соображений: народ — дети, а мы ученые, буржуазия — взрослые, след. нам подобает их учить, если дело дошло до того, что они хотят учиться. Конечно, Народные массы, в особенности пролетариат — не дети, а очень даже взрослые, уже по одному тому, что они усвоили себе такую экономическую теорию, которая покрывает собою все экономические науки буржуазии; пролетариат не бунтовщик и не захватчик власти, он приходит, чтобы доказать свое культурное превосходство; его нечего учить, он сам будет учить. Если при этом фактически «широкие массы» невежественны и грубы, так на то они «широкие массы».

Масса всегда есть масса, а еще далеко то время, когда она выйдет из своего экономического гнета, окажется на линии хотя бы среднего уровня культуры, но и для этого прежде всего надо снять с нее этот экономический гнет. Изменить условия материального существования, но не заниматься буржуазной утопической филантропией в духе Сен Симона или Рескина. Это два. В третьих совершенно не доказано, будто зрелище часть пролетариата (но массы) по в состоянии воспринять науки и искусства в их последних достижениях. Разумеется, если мы будем требовать от нее истории искусства от Адама и знания на поречек всех ошибок науки, начиная с халдейской астрономии, или средневековой ботаники, то многого мы не добьемся. Но и убежден в том, что развитому рабочему а, главное, интересующемуся совершенно не надо знать Геракла, чтобы понять худ. творчество современности и системы Ливен, чтобы усвоить современную математику. Мало того, наука, в особенности же искусство, должно перестать наконец обслуживать потребители: они должны войти и, фактически, уже в значительной степени вошли в общий творческий процесс, должны служить производителем. Давно пора бросить всякого рода суждения о нашем и нашем. Прогресс, мертв и изгнил: наука и искусство вот здесь, в храме, а там стадо свиней с крошками господского обеда. Не хотим больше господ, будь то ученые или художники. Впрочем и сами ученые и художники уже давно на это господство не претендуют.

Желание во что-бы то ни стало, путем популяризации и всякими иными способами, насладиться quasi — наукой и искусством, вошло в противоречие с теми стремлениями и взглядами, которые по этому поводу обна-

„ИСКУССТВО КОММУНЫ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Отдела Изобразительных Искусств Комиссариата Нар. Просвещения

Адрес редакции и конторы: Петроград, Исаакиевская пл., 9, уг. Почтамтской.

Секретарь принимает по вторникам, четвергам и субботам от 1—3 час.

ружались среди наиболее серьезной и компетентной части конференции. Лучшие ученые Петербурга все время указывали на профессиональный характер науки и ее самостоятельное производящее значение. Всякого рода демагогические лозунги, откуда-бы они ни исходили и какими-бы филантропическими побуждениями не обосновывались — не находили серьезного сочувствия. И это понятно, поскольку дело идет об ученых с их дилеммой и, в конце концов, нередко горючими традициями. Менее понятно то обстоятельство, что представители коммунистической культуры одного мнения не разделяли. Для некоторых из нас степень популярности того или иного музея являлась чуть-ли не основанием для его существования. Несомненно, интенсивности культуры той или иной страны может быть измерена количеством посещаемости музеев, но из этого не следует, что искусственная популяризация может гарантировать рост культуры. Если это значило бы обманывать и себя и других, декорациями заменять внутреннюю пустоту; именно, так и поступала и будет поступать всякая буржуазия, ибо что же такое буржуазия, с точки зрения культуры, как не сплошная декорация; нам в этом отношении да ней говорить как будто не пристало. Современный музей — это ученый институт. Выводить современные европейские музеи на кушетку и «депо» всякого рода — это все равно что выводить современное государство непосредственно из феодализма. Когда-то музеи были «депо», но уже давно они приобрели иной характер — характер ученого вспомогательного аппарата. Так и следует смотреть на современные музеи, и это не только правильно с точки зрения самой науки и самих музеев, но и последовательно с точки зрения коммунистической культуры, определяющей, как основание всякой человеческой деятельности, профессиональную и научно-организованную подлинность.

И. Пунин.

О кинематографе.

В истории искусства есть одна очень важная черта: последование старшинства переходит не от отца к старшему сыну, а от дяди к племяннику.

Раскрытию скобки своей прозаической метафоры-аналогии.

Ларика средневековья не является прямой наследницей классической традиции, а происходит от младшей линии — народной песни, существовавшей и во время расцвета классической поэзии в виде параллельного «младшего» искусства. Это доказываются канонизацией новых форм, старому искусству в его верхних слоях по известным, — рпфм. Главные романы — это канонизация ниже «литературы» живущей традиции новеллы и анекдота.

Дело происходит так.

Нужны старые формы, «высокое» искусство понадеет в туник. Ослабевает напряженность художественной атмосферы, — и вот начинается просочивание в нее элементов неканонизированного искусства, обыкновенно к этому времени успевающего выработать новые художественные приемы.

Проводя не параллель, а только аналогию, можно указать, что это явление похоже на смену видов или

классов, обладающих культурной гегемонией. Современное культурное человечество не прямые потомки Сумиро-академ.

Вот почему так опасно всякое опекание «старшим» искусством «младшего». Здесь могут погибнуть прекрасные возможности. Прототип турбины был выше высоко развитого паровика, и приделывать к ней молотил было бы глубоко вредным, тормозящим прогресс делом.

Вот почему так больно смотреть на то, что делают с кинематографом, стараясь его переформовать во что-то «театральное» и «литературное».

Старый театр, уже иссохший, старая литература уже пересыхающая, — лезли «улучшать» кинематограф. Не желая обидеть товарищей киноведов, и все же должен сказать, что это прежде всего напоминает эпоху Николая I-го, когда всем солдатам шили сапоги не одной мерки.

Особенно вредна опека, да еще не основанная на научном изучении опекаемого предмета, в государстве социалистическом, в государстве — монополии.

Очевидно подход наших киноведов основан на той предпосылке, что произведение состоит из формы и содержания, и данное содержание можно оформить различными способами. А поэтому можно любой литературный сюжет обработать в кино-фильм. А так как хронологически в «большом искусстве» вчерашнего дня представителем сюжетной литературы был «психологический и бытовой роман, то он и является прототипом литературной кино-ленты. Подготавливаются инициативы старых романов и пишутся новые сценарии по их образцу.

Между тем, представляющий самому себе или в руках людей, желающих осознать формы, вытекающие из его технических (а следовательно и художественных) возможностей, кинематограф не только мог бы развиваться сам, но мог бы стать заместителем внешнего пересылающего театра и в то же время обновил бы искусство вновь созданными формами.

Эти формы уже намечались. С одной стороны начавшая создаваться новая комедия масок (Макс Липдер, Гудышкин), настоящие тины, переходящие без переграммировки из одной ленты в другую. С другой стороны, кинематограф, в частности и американских лентах, явно тяготеет к формам напоминающим структуру авантюрного романа (похвально, погоня, запалывающая погоня и т. п.). Можно надеяться, что в Америке, благодаря механичности художественного производства, формы кинематографа продолжают создаваться хотя бы в сморном виде, как материал подлежащий еще осознанию.

Русская кинематография не имея возможности в десятках тысяч лент изощрять формы экранного искусства, должна особенно стремиться к тому, чтобы осознать уже намечающуюся кристаллизацию кинематографических форм, а не загнать тысячи метров пленки на производство психологических анализов и стихотворений и прозе, явно противоречащих в чуждом складу кинематографа.

Бороться с уличным кинематографом можно только овладев его формами, а не противопоставив ему безжизненных форм старого искусства, еще более обесцененных перемещением в чуждую им сферу.

Виктор Шклевский.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ.

Доклады москвичей.

Третий день конференции, 12 февраля, в первой своей части, был посвящен докладам членов Московской коллегии по делам музеев. Первым выступил *Муратов*.

Доклад П. Муратова.

Прежде чем перейти к основному вопросу, касающемуся общего плана Московских музеев, докладчик коснулся вопроса о музеях вообще. Стараясь выяснить роль духовного воздействия музея, докладчик указал на спиритуальное значение произведений искусства, которое он считает основной сущностью музейного дела. Произведение искусства живо, если есть воздействие его на зрителя. Взаимодействие — основная роль искусства и музей должен служить этой цели; при этом можно говорить о его двойном воздействии, во первых об общеобразовательном воздействии, на которое указывал А. В. Луначарский и во вторых на роль эстетически воспитательную. Но надо, чтобы приближающийся к произведениям искусства был способен воспринять это произведение, это не так просто и в этом заключается самая сложная сторона дела.

Говоря об общеобразовательной цели, докладчик указал на те средства, какие существуют для этого, а именно на лекции, руководительства и пр. Но как бы ни были развиты эти средства, один они не могут выполнить задания; музейный вопрос настолько сложен и необыкновенен, что одним ведомственным аппаратом разрешиться не может. Первое на что надо обратить внимание, указывает оратор, это экспозиционная часть, требующая большой работы, работы исковой, стоящей на грани труда художника и ученого. Оратор указывает на некоторые важные стороны вопроса экспозиции, а именно на вопросы задания, типа музейной комнаты, типа стены, размещения произведений на этой стене. Сюда входит также вопрос об освещении, вопрос о скульптурных музеях, по решению еще нигде в мире и др. Поскольку существуют музейные деятели, по столько работа их сводится к работе экспозиции. При этом эти музейные деятели, историки искусства, не должны быть конечно, лишь сухими классификаторами, сухими лабораторными учеными, а должны находиться в живом взаимодействии с произведениями искусства и целью их должно быть углубление этого взаимодействия; только в такой степени и мысленно познавшие историю искусств, при чем и тут самое главное экспозиционная часть.

Далее оратор коснулся вопроса о служении музеев интересам художников, указывая на то, что в наше время, когда искусство находится так сказать, в восходящей линии развития, музей не может иметь сильного влияния на художников, не может быть им опасен. Докладчик указал на то подчеркивание обостренного отношения художника к музейному деятелю, которое он усмотрел в докладах заслуженных наставников и которое он не понимает, считая это чистым недоразумением, на котором останавливаться не приходится.

Затем докладчик переходит к основной теме своего доклада, к общему плану московских музеев, предупреждая, что, хотя некоторый план и выработан в этом отношении в Москве, но план этот отнюдь не очерчивает всех возможностей, поэтому отставать его они, москвичи, не собираются; это есть просто их рабочее представление в данное время и годное только для Москвы.

Установлено два типа музеев: во-первых, музей западного искусства, корнем которого оратор считает античную цивилизацию и во-вторых музей Востока, не имевший этой цивилизации. Особенно ценным достижением Москвы являются богатые коллекции западного искусства XIX века, поэтому Московская группа деятелей искусства считает необходимым составить особый отдел искусства XIX века, который может быть очень велик. Фондом музея западного искусства докладчик считает картинный зал Румянцева музея и надеется на привлечение произведений искусства из Петербурга. К этим двум типам музеев докладчик присоединяет еще третий основной тип — национальный художественный музей; причем все эти три типа музеев составляют как бы отдельные грани, секторы одного музея. Намечаются еще некоторые дополнительные типы: как то Российский музей народного искусства и быта, музей русской архитектуры и т. д.

Обрисовав, таким образом, общий план Московских музеев, докладчик повторяет, что план этот не есть до конца стройный, до конца истеривающийся, ноший, теоретический план. Это есть лишь рабочий аппарат, который можно пользоваться сейчас и при дальнейшей работе. Это есть действительность, а не идея. Пока что, план этот продвигается в жизнь лишь в пределах подразделения возникших проблем и сводится к перегруппировкам. Для этих перегруппировочных работ избирается особая комиссия с представителями от подчиненных и неподчиненных музейных фондов. Создание таких органов, приглашение экспертов является ближайшей задачей Московских деятелей.

Докладчик заканчивает свой доклад обращением к Петербургу с призывом прийти на помощь и оказать Москве содействие в данном деле, с просьбой подыскать над территориальными интересами и подумать, как помочь Москве в создании главного музея западного искусства.

Доклад И. Грабаря.

Указав на ту случайность и хаотичность, которые господствовали до сих пор в русской музейной жизни, докладчик останавливается на сшедовавшихся до сих пор способах пополнения музеев. Главным источником пополнения было дарение, сильно сократившееся действия музея всякого рода дарственными, вавещаниями и т. д. Кое-что можно было покупать, при чем развивалась конкуренция и аукционный ажиотаж. Давно чувствовалась потребность органа, который пришел бы на помощь музеям и таким органам инициативы создаваемый теперь московский государственный фонд. Что же именно составляет этот фонд? В первую очередь докладчик указывает на сокращение, поступающие теперь на министерский после декрета об отделении церкви от государства. Уже этого одного имущества было бы достаточно для целого ряда музеев. В рядах монастырей таятся богатства, о которых до сих пор мало кто знает; но на этих богатствах следует брать только то, что имеется в нескольких экземплярах, чтобы не теряться финансы данного распадающего искусства, и все берет лишь с целью охраны и тех случаях, когда произведения искусства грозит опасность разрушения. Кроме этого вида пополнения фонда, докладчик указывает на ряд предметов, которые передаются муниципализацией, национализацией и т. д. Далее, вывозятся произ-

ведения искусства на именьи и усадьбах с той же целью охраны и наконец четвертым видом пополнения фонда является приобретение. Этот национальный фонд должен служить регулятором. Он должен быть центральным аппаратом, на которого должно входить равномерное музейное питание.

Далее докладчик указал на то, что фонд должен включать в себя не только то, что собирается и будет собираться, но и то, что уже собрано; должны произойти перераспределение, перегруппировки, и которым надо однако отнестись с большой осторожностью. Такой фонд, существующий в Москве. В заключение, докладчик высказал пожелание, чтобы Петербург, если падет нужным, внес свой вклад в Московский план и оказал помощь общему делу.

Доклад Машковцева.

Третьим докладчиком выступил *Машковцев*, по вопросам провинциальных музеев, стараясь определить связь этих музеев с музейными центрами. Докладчик делит все, что может быть трактовано, как фонд, на местные памятники, имеющие историческое значение и связанные с данным местом и индивидуальными, в которых одно лицо закрепилось себя. Пополнение фондов историческими произведениями шло с мест, на местах производились раскопки и эти работы давали материал музеям. Что же касается произведений второго типа, то точки шли, так сказать, из центров.

Далее, докладчик останавливается на вопросе о том, какими интересами провинциальных музеев в общем плане музейного дела, оперируя мнение о необходимости для провинции лишь периодических выставок. По мнению докладчика, для провинции нужен постоянный музей, при этом, в провинции, легче чем где либо, можно создать такой единый музей, где на ряду с выставочной частью была бы и вторая часть, архивная, замешанная там кабинетом репродукций. Пополнение художественной части провинциальных музеев находится вне сферы деятелей на местах, пополнение же исторической части, отражающей местную культуру живая, лежит всецело на местных деятелях. Связь провинциальных музеев с центральными необходима, по мнению докладчика, для того, чтобы систематическое и интенсивное шло добытие местных сокровищ, для пополнения центральных музеев, и это вопрос чрезвычайной важности. В заключение, докладчик повторил, что провинциальные музеи необходимы, они должны быть связаны с центральными и организация таких музеев играет важную роль в общей культурной жизни России.

С краткой докладов Москвичей выступил целый ряд ораторов. Первым из них слово *Троицкий*, «с робостью», по его словам, вошедший на кафедру, так как старых музейных деятелей встречает здесь с иронией. Но в виду того, что в докладах Московских деятелей много важного, он решился пренебречь этой иронией и высказаться.

В плане московского музейного строительства оратор видит субъективный, эстетический принцип. Поручить строительство музеев, говорит он, случайной группе лиц, не имевшей такого плана, совершенно не допустимо. Национальный фонд, в том виде, как говорит о нем в Москве, он считает гибелью музейного дела.

А. А. Маллер не усматривает логики в плане Московской Коллегии, надо строить либо по принципу художественной культуры, либо по культурно-историческому принципу, здесь же не видно ни того, ни другого.

Н. Н. Романов видит в плане Московской Коллегии стремление к регламентации. Вместе с тем он указывает, что нельзя представлять декларацию и говорить, что план не претендует на стройность, нечерпаемость и подлежит коррективам. Далее Н. Н. высказывается против перегруппировки: надо собирать, а не растаскивать, говорит он, наивысшая перегруппировка растаскивание музеев и указывает на преждевременность и даже недопустимость присутствия и делу, не обдумав всех вопросов, как это делает Московская Коллеция.

Орлов указывает на основной недостаток Москвичей: они слишком общи; нужно конкретнее подойти к вопросу.

После прений слово берет первый докладчик *Муратов* и останавливается на эстетической точке зрения, в которой упрекает Московскую Коллегию. Очевидно, говорит оратор, эстетическую точку зрения путают с эстетизмом, тогда как между ними двумя положениями лежит пропасть. Национальный эстетизм Московской музейной Коллегии отнюдь не грешит, но в основе все ее воззрения нехочет на эстетический. Это так, и иначе быть не может и не должно. При этом Муратов упоминает слова А. В. Луначарского, сказанные им накануне, о важности эстетической точки зрения и эстетических впечатлений. Далее, отмечая на урек в отсутствии плана, докладчик говорит, что все намеченное Коллегией, начисто принципиально твердо, поправки же возможны во всякой живой работе.

В результате, собрание затруднилось вынести какое-либо постановление по заслушанным докладам, ввиду их чрезвычайной распыленности.

О. М. Брик указал, что все заслушанное никак нельзя паразит докладами, так как москвичами не было выставлено никаких конкретных формул. Все светлоско в весьма туманных проектах и благим пожеланиям. Поэтому, он предлагает не выносить никакой резолюции и ограничиться простым призывом к сведению; с чем собрание вполне согласилось.

Доклад Н. М. Щекотова.

В дневном заседании 14-го февраля *Н. М. Щекотов* сделал доклад об устройстве национального художественного музея в Москве.

На искусство по словам докладчика, претендуют у нас художники определенной и притом малочисленной группы, а также бытовки. До недавнего времени смешивали искусство с бытом. Вследствие этого была задумана русская икона, которая имеет теперь мировое значение.

Н. М. Щекотов затем повторил общепринятую истину, что музеи до сих пор не выполняли своего назначения. Для многих произведений искусства они служили кладбищем. Второстепенным же произведениям они давали убежище. Третьяковская галерея, например, переполнена вкладами Верещагина, которым место в историческом музее. В музее же художественного творчества они лишены. Они только вешаются обити русского искусства. То же самое и русские исторические музеи. Там имеются кони, но ведь кони никак образом не могут достичь высоты художественного органола. В некоторых случаях все это производит кошмарное впечатление.

Докладчик далее указал, что искусство не накладывается на жизнь и ею не покрывается. Достижения искусства не могут быть постигнуты путем научного того или иного быта. Напрасно поэтому музейные деятели сводят искусство к жизни. Проще человечеством так верить, что его никак нельзя измерить в один музей. Нужно отграничить произведения искусства от других произведений человеческого духа. Московский музей представляет собой анимированную культуру, но такой музей не может быть исторический подход к искусству. Если принимать во внимание только живописные качества, то выходящие разные произведения искусства, которые могли бы составить часть для других музеев. Ведь может случиться, что согласно принципам живописной культуры Ренессанс будет радом или даже ниже куски обоев на трапезной. Музей живописной культуры может обслуживать только профессиональные интересы художника. Искусство должно таким образом измеряться своего значения на человечество.

Н. М. Щекотов полагает, что музей живописной культуры должен уступить первенство другому музею, в котором все художественные произведения еди и слиты, в котором графика, живопись, фактура сливаются в одно целое, в один кулак энергии, которую художник вкладывает в свои произведения. В таком музее собираться произведения, в которых преобладает художественный элемент. В таком музее выявится высота художественных достоинств путем историко-художественного метода. Каждая эпоха имеет свои памятники. Произведения искусства, выходящие выше этой эволюции, являются памятниками и во падает в музей. При музее выстраиваются залы, которые дополняют памятники. На этих зал берет материал для эстрады временных выставок.

Новый музей может сложиться вокруг Третьяковской галереи, которая пользуется общей любовью.

После доклада состоялось прения. *А. А. Барков* лишь имеет спятистический тип музея, предлагаемый докладчиком. Пусть будет побольше музеев.

Н. Я. Марр выходит, что доклад *Н. М. Щекотова* является святой молитвой эстетов. Перед нами не профессиональная точка зрения на искусство, а конформистская. Но разве музей для молчаливых? Докладчик предлагает научный подход к искусству. Это какое то колдовство.

Н. М. Романов относится сочувственно к идее русского национального музея, но такой музей не должен быть устроен путем разрушения старых музеев. Он далее не согласен с докладчиком, что существует разрыв между жизнью и искусством.

Н. Н. Пуши заявляет, что он никак не мог уловить, какой музей рекомендует докладчик. Принадлежит он к типу с *Н. Я. Марром*, что здесь речь идет о памятном музее. Музей будет строиться на личном иресе, он должен быть соединением красивых вещей в одно целое? Музей должен в по какому способу будут выбирать — искусство. Рекомендую музей ничего общего не имеет с музеем художественной культуры. Это, скорее, будет музей личного вкуса или колдовства. Такой музей конференции мне может быть приятен.

Н. Е. Машковцев указывает, что проект предлагаемого музея является одной из составных частей музейного строительства. Ведь в Русский музей в Петербурге устроен на таком же принципе.

А. М. Эфрос говорит, что без рекомендуемого докладчиком музея Москва жить не может. Музей будет строиться по тем же методам, по которым строится великие музеи. В русском национальном музее будут собраны произведения русского искусства в его целом. Это более того, чем колдовские пути живописной культуры. Имеется большое количество произведений, что дает возможность устроить законченный русский национальный музей. Все возмущения основаны на каком-то недоразумении.

Н. Н. Романов выходит, что с государственной точки зрения не может быть оспариван русский национальный музей. Докладчик в своем анимированном плане указывает, что предлагаемый им музей будет основан на науке истории искусства. Что касается колдовства, то музея искусства это только похвала.

Н. Я. Марр снова повторяет, что рекомендация устройства русского национального музея не вытекает из доклада.

О. М. Брик предлагает рассмотреть докладчик в докладе необходимость организации русского национального музея.

А. М. Эфрос предлагает выработать комиссией проект, который она рассмотрит и вынесет в Москве решение о русском национальном музее на историко-художественной основе.

Большинство секции признает создание такого музея желательным по не на принципе, указанного в докладе *Н. М. Щекотова*.

Самозащита

Четвертый день Музейной Конференции явился докладом *Н. М. Романова*, целью которого было доказать право на существование Московского Румянцева музея, архитектором которого состоит докладчик. Но раньше чем коснуться своей основной темы, докладчик останавливается на критике действий Московской Музейной Коллегии. По его словам, Коллеция создает множество планов для проведения которых нет ни данных, ни материалов. Планом своим, Коллеция уже проводит и жизнь, она объявляет, например, все музейное государственные фонды, что совершенно недействительно, но именно докладчик, без обсуждения этого вопроса следом.

Далее докладчик дает картину музейной жизни, указывая на то, что до сих пор хотя заступил музейный аппарат и велики, но достигавшие их люди были единичными. Наряду были музейные сотрудники, с которыми численными силами, они усомнились что выжили. Вера музейного строительства должна быть возмещена и старую ведающую, во хороше устроит музей, но однородного типа, так как разнообразие людей условия деятельности музеев. При этом различие этих музеев только тогда имеет смысл, если есть один обширный музей исторического типа и вот в Московском Румянцева музее, обсуждаемой Коллегией на переименование, оратор усматривает все данные для преобразования его именно в такой большой музей синтетического типа. Докладчик высказывает протест против мысли создавать новые музеи из остатков старых и в частности против создания музея живописной культуры, для которого приходится бы разорить почти все музей мира. Иначе, говорит докладчик, никакая централизация, никакие добывания, а развообразия, вот принцип научного музейного дела, который ит-

портретом Московской Музейной Коллегии, желательна многогранность. Три или четыре музея и особенно Румянцева музей должны остаться неприкосновенными. В заключение докладчик указал на то, что Московская Музейная Коллегия, без участия представителей Конференции, не имеет права проводить в жизнь свои планы и что все вообще преобразования в области музейной деятельности, должны предприниматься лишь с одобрения сессии, которые должны стать нормальными, периодическими заседаниями.

Предложение И. И. Ромашова не встретило сочувствия у собрания. Рядом можно назвать разрушением, справедливо заметил Ферсман, перестройку, предпринятую Московской Музейной Коллегией? Конечно нет. Далее, продолжает оратор, неприкосновенность в том виде, как ее понимает И. И. Ромашов, совершенно бессмысленна, это парадокс, сомнительный по всем направлениям, так как совсем не все созданные жизнью имеют право на существование. Что же касается органов, без которых Музейная Коллегия не имеет права проводить в жизнь свои планы, созданными сессией, то кажется, она очень желательна, но пережить жизнь работу, она может только в том случае, если она будет.

Оратор указывает на то, что сшивать деятельность Музейной Коллегии не входит в компетенцию данного сессии. По словам Миллера каждому музею будет дана возможность обдумать свое право на существование, поэтому музейная деятельность не должна погибнуть не могут, что же касается музея по крайней мере на Румянцева музей, то она неизбежна.

Доклады Чехонина и Ферсмана.

В этот день Музейная Конференция была посвящена докладом о проектах художественно-промышленных музеев. Первым выступает Чехонин.

Указав на то, как мало художественно-промышленных музеев в настоящее время существует в России, докладчик указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными.

Далее докладчик переходит к вопросу о музеях, которые должны быть введены в жизнь. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными.

Менее подробный отчетчик указал на необходимость создания в настоящее время в России художественно-промышленных музеев. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными.

Далее докладчик переходит к вопросу о музеях, которые должны быть введены в жизнь. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными.

Далее докладчик переходит к вопросу о музеях, которые должны быть введены в жизнь. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными.

Далее докладчик переходит к вопросу о музеях, которые должны быть введены в жизнь. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными.

Далее докладчик переходит к вопросу о музеях, которые должны быть введены в жизнь. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными.

Далее докладчик переходит к вопросу о музеях, которые должны быть введены в жизнь. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными.

Далее докладчик переходит к вопросу о музеях, которые должны быть введены в жизнь. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными.

Далее докладчик переходит к вопросу о музеях, которые должны быть введены в жизнь. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными. Он указывает на то, что в настоящее время в России существует около 100 музеев, из которых только 10 являются художественно-промышленными.

Затем, после некоторого обсуждения, мнения принимаются, вторая резолюция, предложенная г. Бриком, а именно: *Центральный музей, без параллельного строительства в местах, где необходимо образцы художественно-промышленных музеев на местах, тесно связанных с производством.*

Секционное заседание 15-го февраля.

Целевое заседание 15-го февраля происходило под председательством И. И. Ромашова.

Театральный музей.

Первым докладчиком выступил В. Н. Всеволодский-Гернгрос о государственном театральном музее. Отсутствие такого музея, — сказал он, — дает себя сильно чувствовать. Это доказывает, что слишком молодая русская наука о театре. С другой стороны, недостаточно развито музейное дело в России.

Докладчик далее указал, что театр требует немедленного исторического изучения. Этот делом занялся теперь историческая секция театрального отдела комиссариата народного просвещения.

В театральном музее должны быть места все вещественные памятники о спектакле: архитектура, живопись, декорации, бутылки, аршины и т. д. В театральном музее должна быть вся материальная, которая может служить к воссозданию театра.

Театральный музей до сих пор устроился кустарным способом, совершенно случайно. Неудивительно поэтому, что некоторые такие музеи носят явный кустарный характер.

Докладчик считает, что театральные государственные музеи должны быть устроены как в целях научных, так и в целях культурных. Музей должен обслуживать русский театр, но он должен заключить в себе и материал, касающийся мирового театра, поскольку это необходимо для понимания русского театра.

В. Н. Всеволодский-Гернгрос затем сделал точное перечисление того, что должно войти в театральные музеи устроено государственного театрального музея.

Секция без прений признала желательным устройство архитектурного музея. Такой музей должен быть организован на историко-эволюционной основе. Архитектурные музеи и прежде всего должны быть осуществлены в Петрограде и Москве. Необходимы также музеи также и в провинции.

Предложение Л. А. Ильина об устройстве архитектурного музея секцией одобрено.

Секция далее заслушала доклад С. Ф. Ольденбурга о восточном музее.

Доклад С. Ф. Ольденбурга.

Согласно тезисам, восточный музей должен быть построен на двух началах: культурно-историческом и территориальном.

В музее памятника искусства не должны быть отделены от памятников археологических, так как в противном случае эти памятники будут лишены своей научной ценности. В периоды, когда памятники искусства являются уже таковыми, т. е. созданы в эпоху художественного творчества, они должны быть выделены от памятников археологических и от предметов художественного ремесла. Возможность учреждения восточного музея вытекает из важности в Петрограде специалистов востоковедов, представителей самых разных востоковедческих специальностей, а также из важности соответствующих собраний. Предлагаемый музей должен быть назван восточным музеем искусства и археологии.

Властными разработанный и научно обоснованный доклад С. Ф. Ольденбурга встретил единодушное одобрение секции. Секция признала желательным и своевременным устройство восточного музея. Секция далее признала необходимым обратиться сейчас же после конференции к комиссии, которая в своем порядке приступила бы к разработке вопроса об устройстве такого музея.

В заключение секция одобрила проект организации в Петрограде археологического музея, согласно докладу А. А. Миллера.

Соединенное заседание 16 февраля.

В субботу, 16-го февраля, закончилось секционное заседание.

В воскресенье, 16-го февраля, состоялся соединенный заседание обеих секций — гуманитарной и естественно-исторической.

Председательствовал на общем собрании председатель конференции А. А. Миллер. Общее собрание 16-го февраля открылось докладом М. А. Орлова о представительности деятельности музеев. Докладчик отметил, что затрагиваемая им тема является актуальной и сложной. Все теперь требует необходимости широкого распространения научных знаний среди широкой народной массы. Музеи вполне могут служить этому делу. В них должно устраиваться популярное выставочное сплетенческое характера. Такой характер музея должен быть общенациональным, а не ограничиваться народными массами. Необходимо далее устроить сеть музеев — областных, краевых, губернских и уездных.

Высказавшись по докладу М. А. Орлова П. Ю. Свояк и И. Я. Мейер указали, что к разработке вопроса об организации провинциальных музеев должны быть привлечены провинциальные деятели.

По предложению С. Ф. Ольденбурга, конференция признала желательным устройство сети культурно-просветительных музеев сплетенческого характера. Материал по этому вопросу представить в своем порядке и музейный отдел в восточный отдел комиссариата Народного Просвещения.

Затем был заслушан доклад члена конференции Барсогова об исторических основах центрального педагогического музея. По мнению докладчика, в настоящее время надо обратить особое внимание на распространение технических знаний, чтобы возродить экономическую мощь России. В центральном педагогическом музее должны быть организованы по своему характеру строительные материалы: керамика, металлургия.

А. Е. Ферсман приветствовал предложение докладчика, так как нужно установить связь между техническими и прикладными знаниями, чтобы поднять производительные силы страны.

Конференция признала желательным устройство центрального педагогического музея с техническим отделом, который должен быть основан на педагогической базе.

Следующий докладчик Н. В. Насонов затронул вопрос об устройстве провинциальных музеев, которые могли бы передавать на пароходах и баржах по воде. Такие музеи могли бы распространять знания среди самых глухих уголков России. В настоящее время провинциальные музеи могли бы основываться

в более крупных центрах. Пограничные музеи могли бы также заниматься продажей книг и устройством лекций по различным вопросам. Организация провинциальных музеев потребует, в общем, различных средств. Можно было бы оборудовать ряд волжских пароходов, которые плавали бы по Волге и по притокам. На железных же дорогах подвижные музеи можно было бы устроить на нескольких платформах. Подвижные музеи можно было бы двинуть на колесах по железным.

Доклад вызвал оживленный обмен мнениями. Указывалось, что идею докладчика следует приветствовать, так как опыт разных учреждений и обществ показал, что подвижные музеи дают самые хорошие результаты.

Конференция присоединилась к основной мысли И. В. Насонова.

Музейный фонд.

Затем конференция перешла к обсуждению центрального вопроса о музейном фонде.

А. А. Миллер в общих чертах ознакомил конференцию с резолюцией о музейном фонде, принятой гуманитарной секцией. Председатель, между прочим, предложил прибавить к резолюции О. М. Брика о музейном фонде (см. Искусство Коммуны № 11) слова, что право того или иного музея на самостоятельное существование должно быть доказано путем научного обоснования состава данного собрания.

А. Е. Ферсман возражал против второй части резолюции с точки зрения представителя естественных музеев, которые построены на несомненных и прочных основаниях. Необходимо, поборот, бережно относиться к существующим музеям. Следует заботиться о том, чтобы не разрушить старых музеев. В резолюции говорится о доказательстве, но это относительное понятие. То, что одному кажется доказанным, другому представляется недоказанным.

И. Я. Мейер обращает внимание А. Е. Ферсмана на то, что резолюция имеет в виду главным образом гуманитарные музеи, которые страдают случайностью своих собраний. Представители некоторых таких музеев защищают свои собрания потому, что они к ним привыкли. Естественные же музеи действительно развиваются планомерно. В них не может быть распыления.

В защиту прибавки А. А. Миллера выступает О. М. Брик, автор резолюции о музейном фонде, принятой единогласно гуманитарной секцией.

Он подчеркивает, что доказательство на право самостоятельного существования того или иного собрания нужно. Такому «доказательству» должны быть подвергнуты многие наши музеи. Проверка наших музейных собраний крайне необходима. Согласно предлагаемой формуле, предусматривается бережное отношение к научным коллекциям. С другой стороны, предусматривается кожное отношение некоторых лиц к перегруженности музейных коллекций.

О. М. Брик считает необходимым, чтобы после конференции немедленно была образована комиссия, которая провела бы все музейные собрания и определила, какие коллекции неприкосновенны и какие подлежат расформированию.

Оратор далее возражает тем лицам, которые говорят, что в каждом музее все нужно, хотя бы с точки зрения комфорта. Такие толкования недопустимы. Музей — научное учреждение, а не склад вещей.

В заключение О. М. Брик указал, что нужно оберегать музеи от слишком быстрого их расформирования, но нужно также высказаться против слишком консервативного отношения к музеям.

А. Е. Ферсман, соглашаясь с доводами г. Брика соглашается, что резолюция о государственном фонде можно будет принять лишь после того, как будет решен другой важный вопрос, какой орган будет заведовать музейями.

Дальнейшая прения вернется вокруг предложения А. Е. Ферсмана об отсрочке голосования резолюции о музейном фонде.

А. А. Миллер ставит на голосование предложение А. Е. Ферсмана. 25 голосами против 15 предложение это принимается.

Закрытие конференции.

Последнее заседание конференции, состоявшееся 18-го февраля, в 3 часа дня привлекло многочисленную публику.

С речью выступил председатель конференции А. А. Миллер, который в общих чертах дал отчет о семидневной работе конференции, заседавшей в двух секциях — гуманитарной и естественно-исторической.

Он указал, что конференция дала обширный и богатый материал по музейному делу. Гуманитарная секция разработала вопросы о структуре центральных музеев, касающиеся специальных наук, о структуре естественно-исторических музеев, о структуре культурно-исторических музеев, о структуре провинциальных музеев в Петрограде и Москве. Присутство желательным, чтобы между петроградскими и московскими музейями была согласованность, чтобы они составили единую государственную группу, чтобы они образовали единое целое.

Председатель затем указал, что между представителями Москвы и Петрограда все время происходил спор о музейном строительстве. Соглашение между этими двумя группами не состоялось. Гуманитарная секция признала, что музейный фонд московских музеев не формируется на научной основе. Общий доклад докладчик о музейном строительстве не привнес ни к какому решению. Но отдельные доклады секций признали желательным устройство в Москве ряда музеев, но каждый раз секция считала необходимым приблизить, но тот или иной музей должен строиться на культурно-исторической базе. Зато секция единогласно приветствовала предложение Отдела образовательной культуры о создании нового типа музея — музея художественной культуры.

По вопросу о создании единого органа, который управлял бы музейями, конференция признала, что такой орган должен быть вполне компетенцией в музейных вопросах. Все мероприятия, касающиеся музеев, должны предприниматься и обсуждаться в таком органе.

Заканчивая свою речь, А. А. Миллер отметил, что занятия конференции происходили все время при общем подъеме и необычайном интересе. Такой конференция музейные деятели ждали больше 15 лет. Наконец конференция состоялась. Результаты ее огромны, ибо намечены пути и строительство музеев, которые имеют большое культурное, научное и просветительное значение. При надлежащей организации наши музеи сумеют широко развиваться.

В заключение А. А. Миллер выразил пожелание, чтобы труды конференции скорее осуществлялись в жизнь.

Речь председателя вызвала общее одобрение. По предложению акка. С. Ф. Ольденбурга, конференция выразила свою благодарность всем членам присутствия.

В 5 часов дня первая конференция по делам музеев была объявлена закрытой.

Редактор — Редакционная коллегия.

Издатель — Отд. Изобр. Иск. Ком. Нар. Просс.